География фамилий крестьян Вилейского уезда по данным ревизских сказок 1795 года

А. С. Семенюк

Александр Сергеевич Семенюк, кандидат географических наук, доцент факультета географии и геоинформатики, Белорусский государственный университет. 220030, Минск, пр. Независимости, 4, Республика Беларусь.
E-mail: geo-semenuk@yandex.ru

Аннотация. Изучение географии фамилий позволяет выявить историческую и пространственную специфику словообразования на различных территориях. В данной статье обобщен опыт геоинформационного картографирования фамилий жителей Вилейского уезда Минской губернии по материалам ревизских сказок 1795 года. В качестве минимальной единицы исследования использовалась одна семья (двор). В программном комплексе ArcGIS 10.3 была создана база геоданных с рядом векторных слоев, в процессе оцифровки дворы (фамилии) добавлялись к тем населенным пунктам, где они были локализованы. После завершения оцифровки с помощью операции выборки по атрибуту были выделены в отдельные слои крестьянские вторичные фамилии с наиболее распространенными формантами. По результатам проведенных исследований было выявлено, что наиболее распространенными формантами фамилий на территории Вилейского уезда являются -ович, -евич, -ич, -иц и -ский, -цкий. Также следует отметить значимую встречаемость фамилий с формантами -онок, -ёнок и -ик, -чик, первые из которых в основном локализованы в северной и восточной части уезда, а вторые распространены относительно равномерно. Использование адаптированного для антропонимических исследований индекса Симпсона позволило выявить типы населенных пунктов с повышенным (город Вилейка, местечки, села) и пониженным (деревни) разнообразием формантов фамилий крестьян. Из всех групп населения наибольшим числом выявленных формантов отличаются фамилии крестьян, что свидетельствует о произвольности их выбора и свободе словообразования, не ограниченной рамками социального статуса, в отличие от фамилий шляхты и духовенства.

Ключевые слова: география фамилий, Вилейский уезд, продуктивность формантов, геоинформационное картографирование, историческая география, ревизские сказки, индекс разнообразия Симпсона, социальные группы, населенные пункты

EDN: JFXYAJ

Искусство давать собственные имена является неотъемлемой частью человеческой природы и зависит как от личного опыта, характера, уровня знаний индивида, так и от общего культурного контекста, принадлежности к конкретной социальной страте, этнической группе. В этом смысле фамилии, ведущие свое происхождение от прозвищ, кличек, выступают ценными свидетелями развития языковых форм в предыдущие века. Исследованием фа-

милий занимается антропонимика — одно из направлений ономастики, изучающее собственные имена людей, их отдельные элементы, происхождение, развитие, распространение. Встречаемость фамилий различна и определяется как частотой употребления тех или иных основ, так и особенностями словообразования на разных территориях, бытовавших там диалектов. В этой связи изучение географии фамилий позволяет выявить историческую и пространственную специфику словообразования на различных территориях. Поскольку с конца XIX века наметилась тенденция к массовому перемещению сельского населения в города, для определения коренных для данной территории фамилий целесообразно изучение исторических документов. Ревизские сказки представляют собой важный источник данных, позволяющий получить наиболее полную картину распространения фамилий в определенный период времени, являясь, по сути своей, аналогом современных переписей населения. В данной статье обобщен опыт геоинформационного картографирования фамилий жителей Вилейского уезда Минской губернии по материалам ревизских сказок 1795 года.

Происхождение и становление современных форм фамилий — сложный процесс, занявший на территории современной Беларуси от двух до нескольких веков. У дворянского сословия (шляхты) относительно устойчивые формы фамилий известны с XV века (Бірыла, 1963: 49). Они либо происходят напрямую от прозвища прославившего их род предка (Кишка, Корсак, Хмара), либо имеют форму отчества, со временем закрепившуюся в виде фамилии (Войнич, Домашевич, Чехович), либо связаны с обретением родовых поместий (Голубицкий, Достоевский, Залеский). Становление фамилий крестьян в разных частях Беларуси происходило в XVIII — начале XIX века, причем если в Западном Полесье устойчивые формы фамилий крестьян известны с первой четверти XIX века[1], то на северо-западе, где располагался Вилейский уезд, они существовали уже в середине XVIII века[2]. Первую группу составляют односложные фамилии, совпадающие с прозвищем предка (первичные фамилии), в качестве основы для них использовались названия растений и животных (Бурак, Ворон, Лис), предметов одежды, быта (Деруга, Кочерга, Салоп), видов деятельности (Бондар, Карчмит, Рымар), признаков внешности или характера (Долгий, Жила, Крикун), имена собственные (Глеб, Клим, Михась). Первичные фамилии встречаются повсеместно, проследить какие-либо закономерности их распространения на сегодняшний день не представляется возможным. Вторую группу составляют видоизмененные фамилии, образованные от первичных с помощью типичных суффиксов (формантов)

1. Литовский государственный исторический архив (далее — ЛГИА). Ф. 634. Оп. 1. Д. 22. Л. 131–141.
2. Национальный исторический архив Беларуси (далее — НИАБ). Ф. 1816. Оп. 1. Д. 9. Л. 436об.–437.

или их сочетаний (вторичные фамилии): Аврейцевич, Апанасёнок, Белогривец, Горелик, Дащинский, Малафеев, Полочанин, Пятюк, Савеня, Слесаренко). Встречаемость вторичных фамилий с определенным формантом, напротив, зависит от территории (Бірыла, 1988: 24–58) и потому представляет особый интерес для географических исследований.

Вопрос пространственной встречаемости фамилий с различными формантами до сих пор недостаточно освещен в научной литературе на постсоветском пространстве. Во многом это связано с тем, что фамилии, как правило, являются объектом изучения языковедов, которые акцентируют свое внимание на происхождении и истории развития фамильных форм (Никонов, 1974: 9; Унбегаун, 1989: 8–9; Бірыла, 1966: 4). Не владея в полной мере географическим методом исследования, современные специалисты по лингвистике зачастую оставляют в стороне вопрос распространения фамилий, в виде исключения останавливаясь на встречаемости отдельных онимов (Гурская, 2011: 7–9) или анализе состава антропонимии конкретного региона (Мезенко, 2013: 77–125; Trzeciak, 2016: 49–66). В России ключевые исследования в области географии фамилий были проведены В. А. Никоновым (Никонов, 1988: 33–55), в Беларуси — академиком Н. В. Бирилло (Бірыла, 1988: 24–58). Обе работы были опубликованы в последние годы существования СССР в условиях государственного финансирования теоретической науки. В настоящее время возможности проведения масштабных исследований географии фамилий ограничены их трудоемкостью, сложностью получения данных и отсутствием источников финансирования, притом что развитие компьютерных технологий позволяет значительно упростить статистический анализ данных и обеспечить их картографическую интерпретацию на новом техническом и методическом уровне.

Зарубежные научные публикации, посвященные географии фамилий, более многочисленны. Во многом это связано с генеалогическими базами геоданных фамилий по многим странам (Австрия[3], Великобритания[4], Германия[5], Италия[6], Чехия[7] и др.), созданными как на основании современных источников, так и исторических документов. Часть данных картографических ресурсов находится в открытом доступе, часть функционирует на платной основе. Основная цель данных приложений — про-

3. Geogen Austria. URL: https://christoph.stoepel.net/ViewSoftware?id=202 (дата доступа: 03.04.2025).
4. GB Names. URL: https://apps.cdrc.ac.uk/gbnames/ (дата доступа: 03.04.2025).
5. Geogen Deutschland. URL: https://geogen.stoepel.net/ (дата доступа: 03.04.2025).
6. Gens Project. URL: http://www.gens.info/italia/it/turismo-viaggi-e-tradizioni-italia (дата доступа: 03.04.2025).
7. Kde Jsme. URL: https://www.kdejsme.cz/ (дата доступа: 03.04.2025).

ведение генеалогических и генетических исследований. В научном ракурсе наиболее представлены два направления изучения географии фамилий. Первое направление — географическое — рассматривает фамилии прежде всего как важный источник пространственной информации (Cheshire, Longley, Singleton, 2010: 401– 409; Cheshire, Longley, 2012: 309–325; Cheshire, Longley, Yano, Nakaya, 2013: 539–555; Cheshire, 2014: 99–117; Shi, Li, Wang, Chen, Yuan, Stanley, 2018: 1–10). Пространственное распределение фамилий выступает здесь как основание для выделения антропонимических регионов, и решение данной задачи авторы видят в использовании методов ГИС (геостатистики, сетевого анализа и др.). Второе направление — биологическое — оперирует фамилиями различного языкового происхождения как источником информации о генетическом родстве групп населения и исторических миграциях этнических сообществ (Boattini, Lisa, Fiorani, Zei, Pettener, Manni, 2012: 235–270; Cabral, Branco, Costa, Caravello, Tasso, Peixoto, Mota-Vieira, 2005: 634–645; Darlu, Bloothooft, Boattini, Brouwer, 2012: 169–214; Mikerezi, Xhina, Scapoli, Barbujani, Mamolini, Sandri, Carrieri, Rodriguez-Larralde, Barrai, 2013: 232–243). Здесь картографический способ отображения данных выступает как эффективное дополнение к методам антропологии и популяционной генетики.

На территории Беларуси отмечается довольно большое разнообразие образующих вторичные фамилии формантов, что объясняется ее положением на границе между Востоком и Западом, а также особенностями местных диалектов. По данным Н. В. Бирилло (Бірыла, 1988: 18), подтвержденным спустя 30 лет В. П. Лемтюговой (Лемтюгова, Гапоненко, 2018: 31–32), наиболее продуктивными формантами белорусских фамилий являются -ов, -ев, -ин/-ын (Шестаков, Корнеев, Ходин, Косицын), -ский, -цкий (Поплавский, Рабицкий), -ович, -евич, -ич, -иц (Селивонович, Лукашевич, Ролич, Коробчиц), -енко (Шупенко), -ук/-юк, -чук (Ярук, Бильдюк, Марчук), -ик, -чик (Коростик, Шаповальчик), -онок, -ёнок (Ершонок, Демидёнок), -ец, -овец (Одынец, Боговец), -еня (Анисеня), -ак/-як (Минчак, Берняк). Согласно Бирилло, на северо-западе Беларуси доля фамилий на -ович, -евич, -ич, -иц составляет 20–30%, доля фамилий на -ский, -цкий в основном колеблется в районе 10–20%, местами достигая 30%, доля других формантов не превышает 5–10% (Бірыла, 1988: 28, 36, 42–43, 47, 51, 55). Целью настоящего исследования является уточнение данных, полученных Бирилло, посредством локализации фамилий в конкретных населенных пунктах Вилейского уезда и анализа состава вторичных фамилий, распространенных 230 лет назад на изучаемой территории.

Образованный в 1793 году Вилейский уезд площадью около 6400 км² первоначально входил в состав Минской, с 1843 года — Виленской губернии. Он включал в себя территорию большей ча-

сти современных Вилейского, Молодечненского и Мядельского районов Минской области, частично — территории Воложинского, Логойского, Минского районов Минской области, Глубокского, Докшицкого, Поставского районов Витебской области Беларуси. На территории уезда выделяется четыре физико-географических района. Центральную и западную часть занимает пологоволнистая водно-ледниковая Нарочано-Вилейская низменность, которую окаймляет цепь конечноморенных возвышенностей: Ошмянская на юго-западе, Минская — на юге и востоке, Свенцянские гряды — на севере. Распространенные на возвышенностях относительно плодородные дерново-подзолистые суглинистые почвы сильно распаханы. На низменности освоены главным образом супесчаные почвы, в то время как песчаные почвы заняты крупными лесными массивами, на севере расположена Нарочанская группа озер площадью 100 км^2. В связи с этим плотность населения уезда неравномерна: выделяется три ареала его концентрации — на севере в районе Свенцянских гряд, на юге в районе Ошмянской и Минской возвышенностей, а также в центральной части к северу от реки Вилии (рис. 1). Уездный город Вилейка расположен на берегу Вилии, в указанный период времени река являлась частью важного торгового пути, по которому барками доставляли воск, лен, пеньку, льняное и конопляное масло в порт Кёнигсберг, а оттуда в обратном направлении — железо, вино, сахар, кофе, сельдь и прочие импортные товары[8]. Помимо Вилейки, значимыми местными центрами торговли и ремесел являлись местечки Долгиново, Молодечно, Радошковичи, Дуниловичи, Новый Мядель.

В качестве источника данных для исследования были использованы ревизские сказки Вилейского уезда 1795 года[9]. Поскольку данная территория вошла в состав Российской империи в результате Второго раздела Речи Посполитой в 1793 году, информация о населении в данных документах представлена на русском и польском языке. Ревизские сказки в делах сгруппированы по имениям помещиков и арендаторов. Местоположение малых деревень и фольварков уточнялось по экономическим примечаниям к атласу Минской губернии[10], где содержатся сведения об имениях и их владельцах, населенных пунктах, количестве дворов в них, численности населения и текстовые примечания землеописательного характера.

8. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1350. Оп. 312. Д. 89. Л. 361об.
9. ЛГИА. Ф. 515. Оп. 15. Д. 135–147.
10. РГИА. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 89. Л. 347–454.

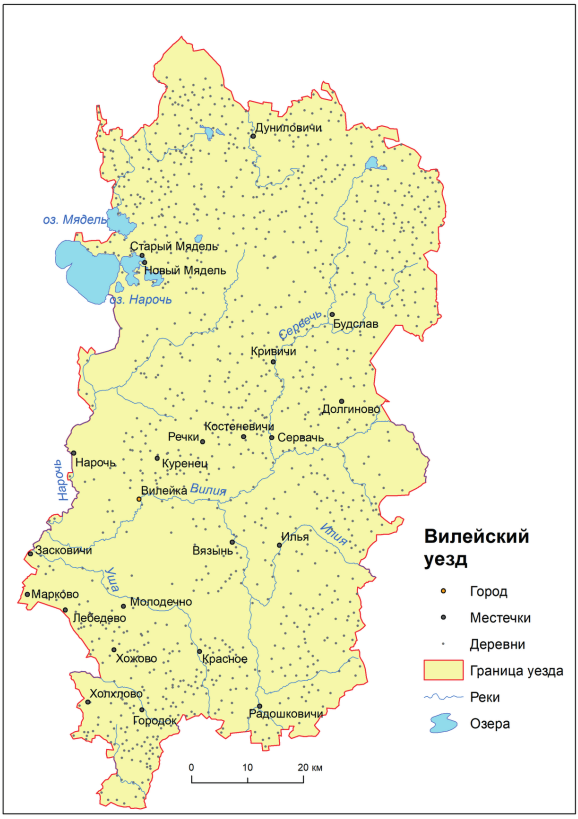

Рис. 1. Вилейский уезд на рубеже XVIII–XIX вв.
Источник: составлено автором

В процессе исследования был создан проект в среде ГИС в программном комплексе ArcGIS 10.3. Сначала была создана база геоданных с рядом векторных слоев, которые включали различные категории населенных пунктов (город Вилейка, местечки, деревни) и группы населения, выделенные в ревизских сказках (крестьяне, шляхта, духовенство, евреи, старообрядцы, татары, иностранцы). Поскольку в одном дворе (доме) обычно проживали представители одной семьи, для упрощения оцифровки фамилий в качестве минимальной единицы исследования использовалась одна семья, т.е. один двор (дом). Для определения местоположения населенных пунктов использовалась подложка из трехверстовых топографических карт Шуберта середины XIX века на территорию Вилейского уезда (масштаб 1:126 000). В случае возникновения трудностей с нахождением населенных пунктов привлекались дополнительные источники — польские топографические карты 1920–1930-х годов

масштаба 1:25 000[11]. В процессе оцифровки дворы (фамилии) добавлялись к тем населенным пунктам, где они были локализованы, а жители расположенных при деревнях фольварков добавлялись к этим деревням. Всего было оцифровано 11 949 фамилий крестьян, 1008 — шляхты, 167 — духовенства, 32 — старообрядцев, 20 — татар, 8 — иностранцев, расположенных в одном городе, 22 местечках и 1175 деревнях Вилейского уезда. Оцифровка еврейских фамилий в местечках не велась ввиду того, что в данный период времени их стабильные формы еще не сформировались (в ревизских сказках 1795 года встречаются только сочетания имени и отчества, например, Герцик Янкелевич, Гилер Беркович, Ицко Беньяминович в местечке Илье[12]).

После завершения оцифровки были выделены в отдельные слои крестьянские вторичные фамилии с наиболее распространенными формантами: -ович, -евич, -ич, -иц; -ский, -цкий; -онок, -ёнок; -ик, -чик; -ук/-юк, -чук; -ец, -овец. Для того чтобы изучить встречаемость данных групп фамилий на территории Вилейского уезда, была построена сеть квадратов размером 5×5 км. Данный шаг сети обусловлен плотностью населенных пунктов в уезде и обеспечивает достаточный уровень детальности антропонимического исследования. Затем по каждому квадрату была получена статистическая информация о количестве и процентном соотношении фамилий с разными формантами. В результате были получены картосхемы пространственного распределения фамилий с разными формантами (рис. 2). Затем для каждого квадрата был определен формант-доминант, на который приходится больше всего фамилий, а при наличии форманта с продуктивностью свыше 75% от доминанта — субдоминант. Для составления совмещенной картосхемы, где представлена информация о продуктивности формантов на территории исследования (рис. 3), каждый квадрат был закодирован и окрашен в цвета формантов-доминантов и субдоминантов (двухцветная штриховка). В отдельных квадратах наблюдалось равное распределение фамилий между тремя формантами (трехцветная штриховка).

11. MAPSTER. Przeglądarka skorowidzów. Wojskowy Instytut Geograficzny — mapa szczegółowa Polski 1:25 000 (1929—1939). URL: http://igrek.amzp.pl/mapindex.php?cat=WIG25 (дата доступа: 03.01.2025).
12. ЛГИА. Ф. 515. Оп. 15. Д. 139. Л. 784об.–785.

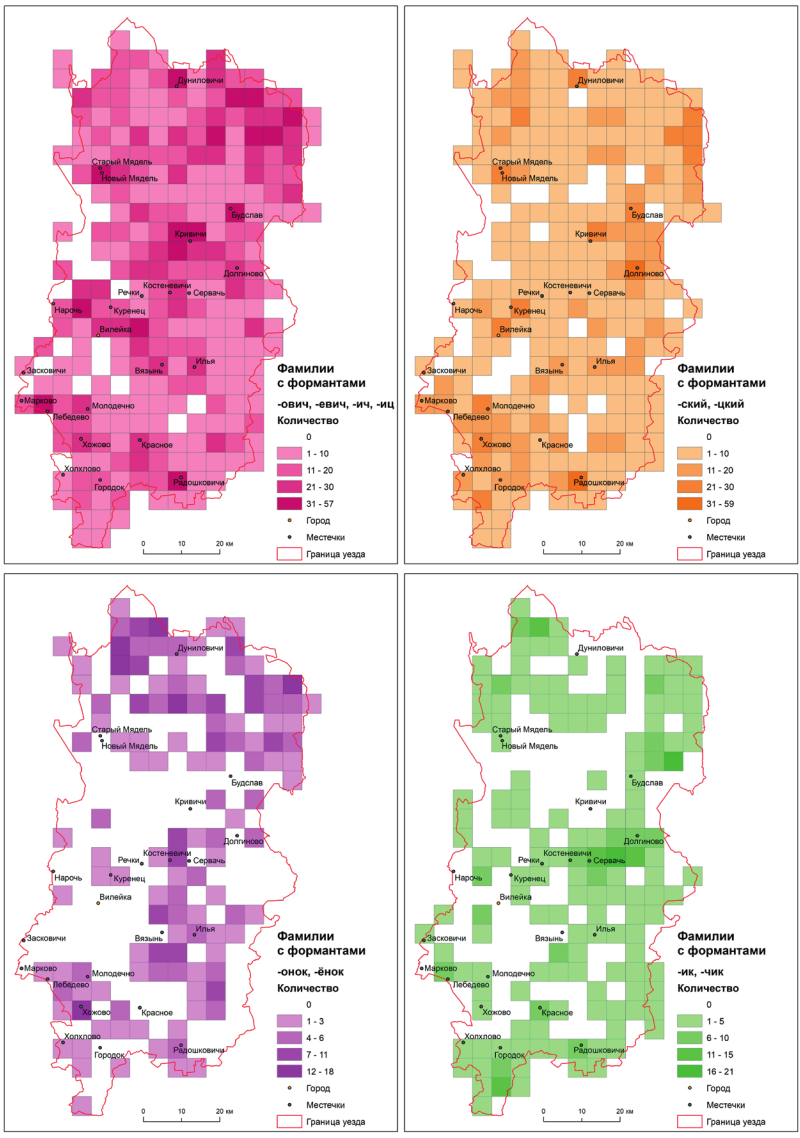

Рис. 2. Распространение крестьянских фамилий с основными формантами на территории Вилейского уезда
Источник: составлено автором

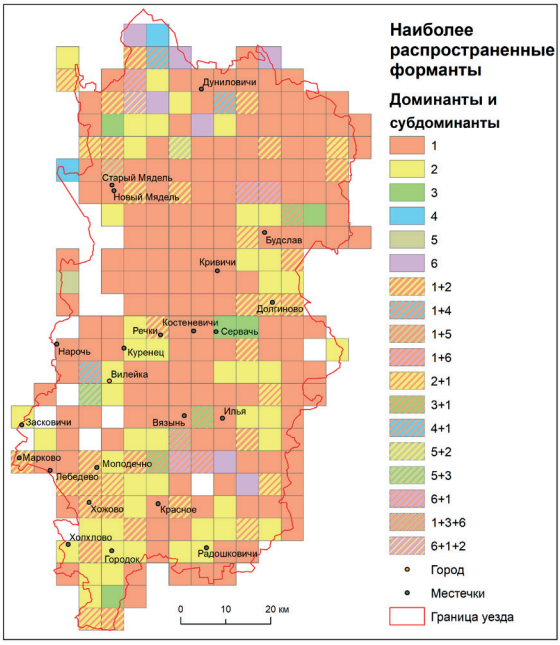

Рис. 3. Форманты-доминанты и субдоминанты в крестьянских фамилиях Вилейского уезда: 1 — -ович, -евич, -ич, -иц; 2 — -ский, -цкий; 3 — -ик, -чик; 4 — -ук/-юк, -чук; 5 — -ец, -овец; 6 — -онок, -ёнок
Источник: составлено автором

Первичные фамилии распространены по территории уезда относительно равномерно. На большей части территории исследования их доля составляет от 25 до 55%. Наиболее часто встречаются простые фамилии, произошедшие от апеллятивной лексики: Жук (54 семьи), Козел (47), Мороз (46), Ка(о)птюх (31), Ра(о)гач, Трубач (по 28).

Из вторичных фамилий в Вилейском уезде наиболее распространены фамилии с формантами -ович, -евич, -ич, -иц (3475 записей), ведущие свое происхождение от отчеств. Продуктивность данных формантов в основном колеблется между 15 и 40% (среднее значение — 30,2%), что несколько выше, чем в исследовании Н. В. Бирилло. Минимальные значения продуктивности характерны для юга, востока и северо-запада уезда, максимальные — для территории нынешнего Мядельского района. Наиболее часто встречаются формы фамилий, образованные от имени предка: Янович/Янкович/Янукович (66 семей), Е(Я)рмакович (60), Зене(о)вич/Зенке(о)вич (45), Войтехович (40), Юревич/Юрке(о)вич (35), Томке(о)вич, Микулич (по 34).

Следующими по встречаемости в Вилейском уезде идут форманты -ский, -цкий (1983 записи), которые могут иметь как па-

тронимическое происхождение, так и указывать на определенное географическое название. Продуктивность данных формантов в основном изменяется от 3 до 25% (среднее значение — 16,2%), что в целом соответствует исследованию Н. В. Бирилло. Данные фамилии имеют низкую встречаемость в центральной части уезда, при этом самая высокая их доля (50–60%) отмечается на востоке (район Долгиново и Будслава) и юге (район Вязыни и Красного). На территории уезда наиболее часто встречаются следующие фамилии на -ский, -цкий: Романовский (50 семей), Ча(е)рнявский (42), Глинский (32), Яновский/Янковский (29), Завадский/Завацкий (27), Лубневский, Малиновский, Петровский (по 24).

Фамилии с формантами -онок, -ёнок и -ик, -чик встречаются на территории уезда одинаково часто (493 и 490 записей соответственно, средняя продуктивность у обеих групп — 3,9%) и происходят от родового имени предка или его занятия, обе группы формантов имеют уменьшительное значение. Фамилии на -онок, -ёнок практически не встречаются в центральной части уезда и в основном локализованы на севере и востоке, где продуктивность данных формантов достигает 40%, хотя в основном колеблется в пределах 5–15%. Фамилии на -ик, -чик распределены по территории исследования более равномерно, продуктивность данных формантов обычно не превышает 10%. Фамилии данного типа почти не встречаются на территории современного Мядельского района и имеют локальную концентрацию в районе местечка Сервачь, где продуктивность формантов достигает 35%. Наиболее распространенные в уезде фамилии на -онок, -ёнок — Кравчонок (30 семей), Матюшонок (28), Ковалёнок (20), Литвинёнок (18), Альхимёнок, Войтешонок/Войтусёнок, Михал(с)ёнок (по 13), на -ик, -чик — Дубовик (35 семей), Лещик (31), Коростик (24), Навойчик (18), А(О)трощик, Лозовик (по 11), Крупенчик (10).

Фамилии с формантами -ук/-юк, -чук имеют локальное распространение (240 записей), обычно они характеризуют родовое имя предка. Данные форманты также имеют уменьшительное значение, их продуктивность на территории уезда в основном не превышает 6% (среднее значение — 2%), в северной части местами достигая 25% за счет частой встречаемости 1–2 фамилий. Наиболее распространенные на территории исследования фамилии данного типа — Ка(о)стюк (21 семья), Татарчук (14), Ярук (12), Працук (10), Терлюк (9), Выдрук, Харук (по 7).

Фамилии с формантами -ец, -овец встречаются локально (179 записей), как правило, они происходят от родового имени, но имеются и производные формы от названий населенных пунктов. Продуктивность данных формантов обычно не превышает 5% (среднее значение — 1,3%), однако на территории нынешнего Мядельского района местами достигает 20% за счет 1–2

распространенных фамилий. Наиболее часто в Вилейском уезде встречаются следующие фамилии на -ец, -овец: Волынец (18 семей), Лукьянец (13), Курец, Шорец (по 9), Воронец, Мелец (по 8), Храмец (7).

Из других редких формантов на территории исследования следует отметить формант -ин/-ын (131 запись), фамилии с которым чаще встречаются на северо-востоке уезда (современный Докшицкий район). Примечательно, что распространенные в Вилейском уезде фамилии данного типа зачастую имеют этнонимическое или географическое значение — Лит(ц)вин (22 семьи), Полянин (15), Полочанин (11), Га(о)ранин (9), Татарин, Турчин (по 7).

Продуктивность формантов -ов/-ев и -енко в Вилейском уезде незначительна (26 и 24 записи соответственно), формант -еня представлен единичной фамилией (Попеня).

Как показали исследования географии фамилий, проведенные в западной части Брестской области (Семенюк, 2021: 108–109), разнообразие встречающихся в фамилиях формантов неодинаково в разных типах населенных пунктов: в местечках оно выше, чем в деревнях. Для того чтобы математически подтвердить или опровергнуть этот тезис на примере населенных пунктов Вилейского уезда, для города Вилейки, местечек, сёл и деревень на территории исследования были рассчитаны индекс Симпсона и доля первичных фамилий в процентах. Индекс разнообразия Симпсона (D) обычно используется для анализа встречаемости биологических видов в экологических исследованиях (Simpson, 1949: 688), однако данный показатель применим и для определения разнообразия формантов вторичных фамилий в населенных пунктах. Он рассчитывается по формуле (1):

$$D = 1/\sum(Ni/N)^2, \quad (1)$$

где Ni — численность вторичных фамилий с определенным формантом в данном населенном пункте;

N — общая численность вторичных фамилий в населенном пункте.

Иными словами, чем больше представлено различных формантов и чем более равномерно они распределены в структуре вторичных фамилий, тем выше индекс разнообразия Симпсона.

В свою очередь, доля первичных фамилий характеризует степень развитости словообразовательных форм, трансформации исходных прозвищ во вторичные фамилии.

Вычисленные средние значения индекса Симпсона и доли первичных фамилий для различных типов населенных пунктов Вилейского уезда представлены в таблице.

Таблица. Показатели разнообразия формантов фамилий крестьян Вилейского уезда по различным типам населенных пунктов

Тип населенных пунктов	Индекс Симпсона (D)	Доля первичных фамилий, %
Уездный город Вилейка	2,06	27,50
Местечки	2,15	37,47
Сёла	2,17	37,32
Деревни (общ.)	1,70	41,34
Казённые деревни	1,65	45,37
Церковные деревни	1,73	40,33

Анализ таблицы показывает, что в городе, местечках и селах индекс разнообразия Симпсона превышает 2, в то время как в деревнях его среднее значение составляет 1,7, причем в деревнях, принадлежавших церкви, разнообразие формантов вторичных фамилий крестьян несколько выше среднего, а в казенных деревнях — ниже. Распределение значений доли первичных фамилий в различных населенных пунктах имеет схожую картину. Доля первичных фамилий среди крестьян города Вилейки составляет всего 27,5%, средний показатель в местечках и селах — 37%, а в деревнях он колеблется от 40 в церковных до 45% в казенных имениях. Таким образом, мы можем констатировать, что на рубеже XVIII–XIX вв. в Вилейском уезде доля вторичных фамилий, равно как и разнообразие их формантов в городе, местечках и селах были выше, чем в деревнях. Вероятнее всего, высокая интенсивность социальных контактов в узловых населенных пунктах приводит к большему распространению среди фамилий крестьян развитых словообразовательных форм, образованных посредством различных формантов.

Среди шляхты Вилейского уезда доминируют фамилии на -ский, -цкий (продуктивность — 49,8%, наиболее часто встречаемые формы — Малиновский, Речицкий, Яновский/Янковский, Каме(и)нский), в качестве субдоминантов выступают форманты -ович, -евич, -ич, -иц (продуктивность — 28,7%, наиболее распространенные формы — Родевич, Неве(я)рович, Харевич). Встречаемость данных фамилий примерно одинакова во всем уезде, пространственных закономерностей их распределения выявить не удалось. Форманты -ик, -чик, -ук/-юк, -чук, -ин/-ын и -ец в фамилиях шляхты представлены единично, форманты -онок, -ёнок, -ов/-ев, -еня и -енко отсутствуют. Среди первичных фамилий шляхты наиболее распространены такие формы, как Гинтовт, Кисель, Петрашко, Яцына, Голуб.

У представителей духовенства Вилейского уезда также преобладают фамилии на -ский, -цкий (продуктивность — 41,3%) и -ович, -евич, -ич, -иц (34,7%), форманты -ик, -чик, -ин и -ец встречаются единично, форманты -ук/-юк, -чук, -онок, -ёнок, -ов/-ев, -еня

и -енко отсутствуют. Данная особенность связана с тем, что духовенство в Речи Посполитой в основном формировалось из представителей шляхты, о чем свидетельствуют ревизские сказки 1795 года.

Особую этнографическую группу в Вилейском уезде составляли пришедшие из России старообрядцы-пилипоны (липоване). Они компактно населяли несколько деревень (Ровы, Железовщина, Слижово, Крапивно на северо-западе уезда, Шабловщина на юго-востоке), сохраняя веру и уклад своих предков и ведя замкнутый образ жизни, что наложило отпечаток и на преобладающие среди их фамилий форманты. Свыше двух третей фамилий старообрядцев (68,8%) образовано с помощью форманта -ов/-ев, который практически не встречается среди местных крестьян, что подчеркивает русское происхождение пилипонов. Еще 12,5% фамилий старообрядцев приходится на форманты -онок, -ёнок; форманты -ович, -евич, -ин встречаются единично.

Еще одну этническую группу составляют татары, проживавшие в южной части Вилейского уезда, которая в настоящее время относится к Молодечненскому району. С конца XIV века прибывшие в Великое княжество Литовское татары занимались военным делом и ремеслами, что обеспечивало им значимое место в обществе. Фамилии укоренившихся татар со временем обросли славянскими формантами: 70% занимают фамилии на -ский, -цкий (Якубовский, Щуцкий, Гембицкий, Юшинский), еще 10% приходится на формант -евич (Базаревич). Остальные фамилии татар относятся к первичным.

Таким образом, можно констатировать, что наибольшим разнообразием формантов среди различных групп населения Вилейского уезда характеризуются фамилии крестьян.

По результатам проведенных исследований можно сделать ряд выводов. Во-первых, наиболее распространенными формантами фамилий на территории Вилейского уезда являются -ович, -евич, -ич, -иц и -ский, -цкий, что соотносится с данными Н. В. Бирилло, хотя средние значения продуктивности данных групп формантов получились немного выше; вероятнее всего, это связано с интенсивными процессами миграции населения в XX веке, которые привели к выравниванию структуры фамилий. При этом следует отметить значимую встречаемость фамилий с формантами -онок, -ёнок и -ик, -чик, первые из которых в основном локализованы в северной и восточной части уезда, а вторые распространены относительно равномерно.

Во-вторых, использование адаптированного для антропонимических исследований индекса Симпсона позволило выявить типы населенных пунктов с повышенным и пониженным разнообразием формантов фамилий крестьян. Если в уездном городе Вилейке, местечках и селах индекс разнообразия Симпсона в среднем превышает 2, то в деревнях он колеблется около 1,7, что, по-видимому, обусловлено различной интенсивностью социальных связей между их жителями и внешним миром. Об этом же свидетельствует и различный процент доли первичных фамилий, указывающий на значи-

тельную степень преобразования исходного лексического субстрата в фамилиях обитателей узловых населенных пунктов.

В-третьих, из всех групп населения Вилейского уезда наибольшим числом выявленных формантов отличаются фамилии крестьян, что во многом свидетельствует о произвольности их выбора и свободе словообразования, не ограниченной рамками социального статуса. В то же время в фамилиях шляхты, духовенства и даже татар господство формантов -ский, -цкий и, в меньшей степени, -ович, -евич, -ич, -иц служило средством самоидентификации их носителей как представителей привилегированных сословий. Для старообрядцев сохранение в фамилиях форманта -ов/-ев являлось еще одним атрибутом, преследовавшим цель противопоставления своих общин окружающему обществу в чуждой для них языковой и культурной среде.

Применение геоинформационных технологий в антропонимических исследованиях показало свою высокую эффективность. Использование инструментов пространственного анализа позволило не только оперативно рассчитать искомые количественные показатели, но и выявить географические закономерности встречаемости фамилий с различными формантами на территории уезда, представить результаты исследования в наглядном картографическом виде.

Полученные данные показывают перспективность изучения вопросов антропонимики, связанных с историей и географией. В интересах научного поиска необходимо расширять подобные исследования на другие территории и временные периоды. Использование новых научных методов и технологий, а также междисциплинарных подходов открывает перед специалистами по ономастике новые горизонты познания.

Библиография

Гурская Ю. А. (2011). Особенности концептуализации древних европейских фамилий // Вестник Томского государственного университета. № 346. С. 7–14.

Лемтюгова В. П., Гапоненко И. О. (2018). Корни наших фамилий. Минск: Звязда.

Мезенко А. М., Скребнева Т. В. (2013). Антропонимное пространство Витебщины: монография. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова.

Никонов В. А. (1974). Имя и общество. М.: Наука.

Никонов В. А. (1988). География фамилий. М.: Наука.

Семенюк А. С. (2021). География фамилий униатского населения западной части Брестской области в первой трети XIX в. // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 5. Біялогія. Навукі аб Зямлі. № 1. С. 104–111.

Унбегаун Б. О. (1989). Русские фамилии / Пер. с англ., общ. редакция Б. А. Успенского. М.: Прогресс.

Бірыла М. В. (1963). Беларускія антрапанімічныя назвы ў іх адносінах да антрапанімічных назваў іншых славянскіх моў (рускай, украінскай, польскай). Мінск: Выд-ва Акад. навук БССР.

Бірыла М. В. (1966). Беларуская антрапанімія. Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы. Мінск: Навука і тэхніка.

Бірыла М. В. (1988). Тыпалогія і геаграфія славянскіх прозвішчаў. Мінск: Навука і тэхніка.
Boattini A., Lisa A., Fiorani O., Zei G., Pettener D., Manni F. (2012). General method to unravel ancient population structures through surnames, final validation on Italian data // Human Biology. Vol. 84. № 3. P. 235–270.
Cabral R., Branco C. C., Costa S., Caravello G., Tasso M., Peixoto B. R., Mota-Vieira L. (2005). Geography of surnames in the Azores: Specificity and spatial distribution analysis // American Journal of Human Biology. Vol. 17. № 5. P. 634–645.
Cheshire J. A. (2014). Analysing surnames as geographic data // Journal of Anthropological Sciences. № 92. P. 99–117.
Cheshire J. A., Longley P. A. (2012). Identifying spatial concentrations of surnames // International Journal of Geographical Information Science. Vol. 26. № 2. P. 309–325.
Cheshire J. A., Longley P. A., Singleton A. D. (2010). The surname regions of Great Britain // Journal of Maps. № 6. P. 401–409.
Cheshire J. A., Longley P. A., Yano K., Nakaya T. (2013). Japanese surname regions // Papers in Regional Science. Vol. 93. № 3. P. 539–555.
Darlu P., Bloothooft G., Boattini A., Brouwer L. (2012). The family name as socio-cultural feature and genetic metaphor: From concepts to methods // Human Biology. Vol. 84. № 2. P. 169–214.
Mikerezi I., Xhina E., Scapoli C., Barbujani G., Mamolini E., Sandri M., Carrieri A., Rodriguez-Larralde A., Barrai I. (2013). Surnames in Albania: A study of the population of Albania through isonymy // Annals of Human Genetics. Vol. 77. № 3. P. 232–243.
Shi Y., Li L., Wang Y., Chen J., Yuan Y., Stanley H. E. (2018). Regional surname affinity: A spatial network approach // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 168. P. 1–10.
Simpson E. H. (1949). Measurement of diversity // Nature. Vol. 163. P. 688.
Trzeciak Ł. (2016). Antroponimia Kresów Południowo-Wschodnich w XVII i XVIII wieku — na przykładzie rzymskokatolickiej parafii w Żółkwi. Tom 1: monografia naukowa. Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne.

Geography of peasant surnames in the Vileysky uyezd according to the 1795 revision lists

Alexander S. Semenyuk, PhD (Geography), Associate Professor, Faculty of Geography and Geoinformatics, Belarusian State University. Nezavisimosti Av., 4, Minsk, 220030, Belarus. E-mail: geo-semenuk@yandex.ru

Abstract. The study of geography of surnames reveals the historical-spatial features of word formation in different territories. The article presents the results of the geoinformation mapping of surnames in the Vileysky uyezd of the Minsk Governorate based on the 1795 revision lists and a family (yard) as a minimal research unit. The author created a geodatabase with vector layers in the ArcGIS 10.3 software package: yards (surnames) were added to their local settlements; after digitization, peasant secondary surnames with the most common formants were divided into layers with the attribute selection operation. Thus, the most common formants of surnames in the Vileysky uyezd were -ovich, -evich, -ich, -its, -sky, and -tsky. There were many surnames with formants -onok, -yonok and -ik, -chik, the former were localized mainly in the northern and eastern parts of the uyezd, and the latter were relatively evenly distributed. The Simpson index adapted for anthroponymic research allowed to identify the types of settlements with greater (Vileyka town, miasteczki) and lesser (villages) diversity of formants of peasant surnames. Of all the population groups, peasant surnames have the largest number of identified formants, which testifies to their arbitrary choice and freedom of word formation, not limited by the social status as the surnames of gentry and clergy.

Key words: geography of surnames, Vileysky uyezd, productivity of formants, geoinformation mapping, historical geography, revision lists, Simpson's diversity index, social groups, settlements

References

Biryla M. V. (1963) *Belaruskija antrapanimichnyja nazvy w ih adnosinah da antrapanimichnyh nazvaw inshyh slavjanskih mow (ruskaj, ukrainskaj, polskaj)* [Belarusian Anthroponymic Names in Relation to Anthroponymic Names of other Slavic Languages (Russian, Ukrainian, Polish)], Minsk: Vydavectva Akademii navuk BSSR.

Biryla M. V. (1966) *Belaruskaja antrapanimija. Ulasnyja imjony, imjony-mjanushki, imjony pa backu, prozvishchy* [Belarusian Anthroponymy. Personal Names, Nicknames, Patronymics, Surnames], Minsk: Navuka i tekhnika.

Biryla M. V. (1988) *Typalogija i geagrafija slavjanskih prozvishchaw* [Typology and Geography of Slavic Surnames], Minsk: Navuka i tekhnika.

Boattini A., Lisa A., Fiorani O. et al (2012) General method to unravel ancient population structures through surnames, final validation on Italian data. *Human Biology*, vol. 84, no 3, pp. 235–270.

Cabral R., Branco C. C., Costa S., Caravello G., Tasso M., Peixoto B. R., Mota-Vieira L. (2005) Geography of surnames in the Azores: Specificity and spatial distribution analysis. *American Journal of Human Biology*, vol. 17, no 5, pp. 634–645.

Cheshire J. A. (2014) Analyzing surnames as geographic data. *Journal of Anthropological Sciences*, no 92, pp. 99–117.

Cheshire J. A., Longley P. A. (2012) Identifying spatial concentrations of surnames. *International Journal of Geographical Information Science*, vol. 26, no 2, pp. 309–325.

Cheshire J. A., Longley P. A., Singleton A. *D.* (2010) The surname regions of Great Britain. *Journal of Maps*, no 6, pp. 401–409.

Cheshire J. A., Longley P. A., Yano K., Nakaya T. (2013) Japanese surname regions. *Papers in Regional Science*, vol. 93, no 3, pp. 539–555.

Darlu P., Bloothooft G., Boattini A., Brouwer L. (2012) The family name as socio-cultural feature and genetic metaphor: From concepts to methods. *Human Biology*, vol. 84, no 2, pp. 169–214.

Gurskaya Yu. A. (2011) Osobennosti kontseptualizatsii drevnih evropejskih familij [Features of conceptualization of ancient European surnames]. *Tomsk State University Journal*, no 346, pp. 7–14.

Lemtjugova V. P., Gaponenko I. O. (2018) *Korni nashih familij* [Roots of Our Surnames], Minsk: Zvjazda.

Mezenko A. M., Skrebneva T. V. (2013) *Antroponimnoe prostranstvo Vitebshchiny* [Anthroponymic Space of the Vitebsk Region], Vitebsk: VGU im. P. M. Masherova.

Mikerezi I., Xhina E., Scapoli C. et al (2013) Surnames in Albania: A study of the population of Albania through isonymy. *Annals of Human Genetics*, vol. 77, no 3, pp. 232–243.

Nikonov V. A. (1974) *Imja i obshchestvo* [Name and Society], Moscow: Nauka.

Nikonov V. A. (1988) *Geografija familij* [Geography of Surnames], Moscow: Nauka.

Semenjuk A. S. (2021) Geografija familij uniatskogo naselenija zapadnoj chasti Brestskoj oblasti v pervoj treti XIX v. [Geography of surnames of the Uniate population in the western part of the Brest Region in the first third of the 19th century]. *Bulletin of Brest University. Series 5: Biology. Earth Sciences*, no 1, pp. 104–111.

Shi Y., Li L., Wang Y. et al (2018) Regional surname Affinity: A spatial network approach. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 168, pp. 1–10.

Simpson E. H. (1949) Measurement of diversity. *Nature*, vol. 163, p. 688.

Trzeciak Ł. (2016) *Antroponimia Kresów Południowo-Wschodnich w XVII i XVIII wieku — na przykładzie rzymskokatolickiej parafii w Żółkwi. T. 1*, Poznań: Poznańskie Studia Polonistyczne.

Unbegaun B. O. (1989) *Russkie familii* [Russian Surnames], Moscow: Progress.